

— Ой-ёй! — Юань Ци вскрикнул, словно ему наступили на хвост. — Ты совсем не понимаешь, как устроен свет! Мой князь совсем не бездельничает, как только появляется свободное время, он сразу же идет к государю выразить почтение!

Линь Се чмокнул губами:

— Я такую сцену видел, у государя действительно есть время для развлечений.

Юань Ци вдруг понизил голос и шепотом сказал ему на ухо:

— Только не говори никому, но князь умеет устроить переполох!

Линь Се собрался было ответить, как вдруг раздался грохот, и оба, Юань Ци и Линь Се, полетели вперед, ударившись о круп лошади, а паланкин позади них качнулся и остановился.

Это резкое движение разбудило спавшего князя. Он быстро вышел посмотреть, что случилось, испугавшись, будто ударила молния.

Увидев лежащих на земле Юань Ци и Линь Се, а также лошадь, упавшую на колени, он лишь отряхнул рукава и равнодушно встал в сторону, наблюдая, как две лошади упираются задом в их лица.

— Князь...

Юань Ци, даже находясь в полубессознательном состоянии, не забыл о своем господине, что говорило о его преданности!

Человек, который ехал впереди, услышав шум, тоже остановился и, увидев происходящее, поспешил помочь Линь Се.

Князь подошел, и на его лице появилось выражение отвращения, но протянутая рука выдала его истинные чувства.

Юань Ци, в полудреме увидев, что князь пришел тащить его, мгновенно прояснился в голове, быстро вскочил и произнес:

— Князь!

Выкрикнув это, он сплюнул, лицо его исказилось:

— Я что, навоз съел? Почему во рту такой вонь?

Князь, увидев, что тот сам встал, заложил руки за спину и отошел подальше, холодно наблюдая за взаимодействием Линь Се и того человека.

Лошадь, должно быть, споткнулась о что-то и испугалась, поэтому вдруг упала. Но ведь человек, который вел их, тоже ехал верхом, почему его лошадь не споткнулась?

Князь посмотрел на дорогу — она была ровной, без ям и камней. Так о что же она споткнулась?

Он огляделся по сторонам: с одной стороны густой лес, с другой — прохожие. В это время люди уже возвращались домой готовить ужин, так что народ редким.

Линь Се, придя в себя, тоже осмотрел землю:

— Странно, эта лошадь что, бешеная?

Князь, прищурившись, стоял поодали, держа руки за спину, и величественно спросил:

— О чем вы там болтали, что напугали лошадь?

Князь сказал это между делом, но Юань Ци, получив подсказку, наконец вспомнил. Его лицо изменилось, конечности одеревенели, на лбу выступил холодный пот. Осознав это, он уже стоял на коленях.

— Князь! Ваш слуга виноват!

Линь Се тоже испугался. Неужели эта лошадь понимает человеческую речь и узнала, что Юань Ци сплетничал о князе?

Князь был озадачен его поступком, и без слов было ясно — Юань Ци, определенно, снова за его спиной распространял о нем слухи.

Третьестепенный князь осмотрелся, лошадь уже встала, выглядела так, будто не пострадала. Человек поспешил подойти и спросить:

— Князь, продолжим...

— Едем дальше.

На лице князя не колебалось ни тени сомнения, тут же он сел в паланкин и крикнул:

— Юань Ци, вставай.

Юань Ци только сейчас осмелился подняться, лицо его оставалось мрачным, будто он пережил тяжелый удар, и долго не мог прийти в себя.

Линь Се быстро затащил его в повозку и продолжил путь.

Этот испуг князя явно не был вызван словами Юань Ци. Значит, кто-то сделал это намеренно.

Кто и зачем?

Этот вопрос сейчас занимал мысли князя, а также Линь Се.

#

После того как Чжан Цзитяо прожил здесь больше десяти дней, он наконец привык к местной жизни. Здесь было мало людей, говорящих по-китайски, но в большинстве случаев Чжан Цзитяо мог общаться с ними жестами.

Фуюэ в последнее время был очень занят, часто отсутствовал целыми днями, но теперь он разрешил Чжан Цзитяо читать книги, поэтому скучно не было. Просто он пока не мог выходить на улицу, и хотя в доме было тепло, сидеть взаперти становилось скучно.

Теперь Фуюэ каждый вечер после возвращения брал его с собой в баню, это уже стало не в новинку, но Чжан Цзитяо всегда надеялся, что при входе не встретит Великого старейшину и Второго старейшину.

Чжан Цзитяо теперь смутно понимал причину, по которой эта семья была так занята именно в это время года.

Раз уж они возвращали останки, то сейчас было лучшее время для их поисков. С приходом весны животные начинали мигрировать, снег таял, и местные пастухи начинали активничать, что затрудняло конспирацию. Именно поэтому Фуюэ и его люди могли спасти его.

Но заниматься такими делами в разгар снежной зимы было невероятно тяжело, и Чжан Цзитяо искренне восхищался ими.

Иногда приходила матушка, и это были самые желанные моменты для Чжан Цзитяо, ведь она рассказывала ему о детстве Фуюэ. Когда он спросил, сколько лет Фуюэ, он и не ожидал, что Фуюэ всего двадцать пять лет и он уже занял пост Третьего старейшины. Чжан Цзитяо думал, что ему как минимум тридцать.

Матушка, казалось, очень полюбила этого гостя и приходила с угощениями, за что Чжан Цзитяо был ей очень благодарен.

На этот раз, когда Фуюэ вернулся, он принес с собой уличный холод. Войдя в комнату, он увидел, что Чжан Цзитяо сидит на полу по-турецки и листает какую-то книгу.

Чжан Цзитяо, увидев его, поспешно встал.

— Не холодно сидеть на полу?

Фуюэ редко проявлял заботу, а в словах Чжан Цзитяо всегда чувствовался какой-то подтекст, хотя сам он этого не осознавал.

Когда Фуюэ проходил мимо него, тот едва уловимый аромат снова наполнил комнату. Чжан Цзитяо сказал:

— Сегодня приходила матушка.

— Она тебе, кажется, нравится.

Фуюэ начал снимать верхнюю одежду, но не ожидал, что Чжан Цзитяо возьмет его меховую шубу, и вдруг замер.

— Что такое?

Чжан Цзитяо не понимал, почему Фуюэ застыл.

— Ты что делаешь?

— Я вижу, что на тебе снег, хотел стряхнуть.

Фуюэ только тогда очнулся и кивнул.

Матушка говорила, что Фуюэ в детстве был очень застенчивым и не любил разговаривать с людьми. С возрастом это стало меньше проявляться, но он все равно производил впечатление холодного человека, поэтому, даже будучи Третьим старейшиной, он не готовился к свадьбе.

Чжан Цзитяо сначала считал странным, что Фуюэ позволяет ему спать в одной кровати, но теперь понял причину.

Честно говоря, в начале Чжан Цзитяо думал, что Фуюэ холоден, но, пообщавшись, понял, что у него доброе сердце, просто он не проявляет этого вовне.

Например, сейчас он заметил, что уши Фуюэ слегка покраснели.

Он, должно быть, смутился, не ожидая, что Чжан Цзитяо вдруг проявит о нем заботу.

Чжан Цзитяо последовал за ним, чтобы помыться.

Не знаю, услышали ли небеса его желание, но на этот раз ему очень повезло — они были одни, Великий старейшина и Второй старейшина не пришли. Чжан Цзитяо внутренне порадовался.

Фуюэ не придавал этому значения и делал как обычно. Но Чжан Цзитяо заметил, что когда Фуюэ собирал волосы, его опущенная голова выглядела настолько красиво, что это заставило биться даже его мужское сердце.

Он услышал стук собственного сердца и поспешно отвел взгляд.

Фуюэ начал разговаривать с ним во время мытья, пусть и короткими фразами, но это означало, что их отношения постепенно становятся ближе. Раньше неприступный Фуюэ, возможно, теперь медленно привыкал к тому, что кто-то ждет его возвращения.

То чувство, когда он на ветру, а в комнате его ждет человек, незаметно становилось привычкой.

Фуюэ спустился в воду и, глядя на раздевающегося Чжан Цзитяо, вдруг поймал себя на какой-то мысли.

Что это было?

От горячей воды поднимался густой пар. Чжан Цзитяо оперся рукой о край бассейна и вдруг заметил, что Фуюэ смотрит на него. От нервности рука соскользнула.

Он не успел вскрикнуть, как Фуюэ уже подхватил его.

Их тела прижались друг к другу, особенно когда Чжан Цзитяо навалился на него, мгновенная передача тепла заставила Чжан Цзитяо напрячься, и он поспешно отстранился.

Фуюэ тоже тут же разжал объятия и отвернулся, больше не глядя на него.

Чжан Цзитяо почувствовал, что только вода может сгладить неловкость момента. Он погрузился в воду с головой и посмотрел на Фуюэ.

Его спина обнажилась, белоснежная кожа будила воображение.

Чжан Цзитяо поспешно отвел взгляд, но не мог скрыть стыдливый румянец, который медленно заполз ему на лицо.